
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЕКАБРИСТАХ, СОСЛАННЫХ НА КАВКАЗ

Академик АН Арм ССР М. Г. НЕРСИСЯН

О декабристах, как известно, существует огромная литература, опубликовано также большое количество архивных материалов. Однако в архивных фондах нашей страны хранится еще немало документов пока что не изданных и не изученных, поэтому новые изыскания в этом направлении часто дают интересные результаты. Работая ряд лет по теме «Декабристы на Кавказе», автор этих строк обнаружил новые материалы о декабристах, в частности, о рядовых участниках восстания декабристов.

В архивном фонде военного министерства сохранились документы (в основном оригиналы) о рядовом составе Черниговского пехотного полка. В этих пока не опубликованных официальных материалах имеются интересные данные, дополняющие наши сведения о солдатах-черниговцах, принимавших участие в восстании декабристов на Украине.

Имеется прежде всего большое число документов о переводе «нижних чинов» Черниговского полка из местечка Белая Церковь (Васильковский уезд Киевской губернии) в Ставрополь на Кавказе, в Отдельный кавказский корпус. В десятках рапортов майора Елецкого пехотного полка Броссе, под командованием которого совершился этот перевод, приведены разные сведения, справки, ведомости о «бунтарях»-черниговцах, следующих на Кавказ, описания их маршрута и т. д. Майор Броссе систематически рапортовал высшему военному начальству на Кавказе обо всем касающемся этих солдат за период с начала апреля по конец июля 1826 г.

Так, документ, озаглавленный «Перечневая ведомость о числе выступившим из местечка Белая Церковь следуемым в Отдельный Кавказский Корпус сформированная из Черниговского пехотного полка уравнительный 6-ть рот и в каком числе и при каждой конвойная команда с показанием с которого числа каждая рота выступила», составленный майором Броссе 21 апреля 1826 г., показывает, что 1-я рота черниговцев в составе 132 «нижних чинов» (рядовые, музыканты, нестроевые, денщики) выступила 6-го апреля, 2-я рота 9-го апреля (132 чел.), 3-я рота 12 апреля (129 чел.), 4-я рота 15-го (132 чел.), 5-я рота 19-го (133 чел.), 6-я рота 21-го апреля (132 чел.).

Из других бумаг майора Броссе видно, что в пути следования умерли рядовые Аким Амиров и Прокофий Васильев, умер в полковом лазарете 17-го егерского полка Данила Панчоха, утонул в реке Самаре рядовой Томаш Янц, 7 солдат остались в разных лазаретах из-за болезни,

а рядовой Никита Ильин «по повелению начальника главного штаба 1-й армии господина генерал-адъютанта барона Толя... оставлен в местечке Градижске для предания суду при 14-м егерском полку...».

В материалах имеются также рапорты исправляющего должность ставропольского земского исправника Зайцева, дворянского заседателя уездного суда Новикова, «заседателя от поселян» Панкова и др. на имя управляющего Кавказской областью генерал-майора П. Д. Горчакова о прибытии в Ставропольский уезд «мятежных» солдат, об их «претензиях» и настроениях, об обеспечении их продовольствием и т. д. По инструкции военного командования блюстители порядка зорко следили за тем, чтобы «преступники» не «разсеивали зловредных толков» среди местного населения.

В ряде документов содержатся между прочими точные цифры о числе солдат-черниговцев, сосланных на Кавказ. В этом отношении определенный интерес представляет «Строевой рапорт о числе нижних воинских чинах следующих в шести ротах черниговского пехотного полка в Кавказский отдельный корпус, а равно и прикомандированных для препровождения означенных чинов», составленный майором Броссе 14 июня 1826 г. По этому документу число следующих на Кавказ «нижних чинов» составляло по списку 795 чел., из которых рядовых 726, музыкантов 51, нестроевых 13, денщиков 5. Из этого числа в пути следования умерло 4, остались «за болезнь в разных госпиталях и лазаретах» 6 рядовых. В день составления рапорта, т. е. 14 июня, было налицо 785 чел. (716 рядовых, 51 музыкант, 13 нестроевых, 5 денщиков). В составе конвоя было 128 чел. (11 обер-офицеров, 30 унтер-офицеров, 79 рядовых, 8 денщиков) из Мурманского, Нижегородского, Низовского, Симбирского пехотных полков, а также из 13-го и 14-го егерских полков.

Из других официальных списков, составленных в сентябре 1826 г., видно, что 782 солдата Черниговского полка после прибытия на Северный Кавказ были распределены в разные полки и батальоны следующим образом: в Тенгинский пехотный полк — 40 чел., в Моздокский гарнизонный батальон — 100, в Навагинский пехотный полк — 130, в Кабардинский пехотный полк — 101, в 43-й егерский полк — 70, в Таманский гарнизонный полк — 50, в Апшеронский пехотный полк — 91, во Владикавказский гарнизонный полк — 100, в Ширванский пехотный полк — 100 чел. На основании этих данных уже нетрудно определить, в каких военных действиях участвовали солдаты-черниговцы в русско-персидской войне 1826—28 гг.

В деле сохранились именные списки всех сосланных на Кавказ солдат Черниговского полка. При сличении их с уже опубликованными списками черниговцев (см. «Восстание декабристов, Материалы», тт. IV, VI, М.—Л., 1927, 1929) выясняется, что фамилии ряда солдат отсутствуют в опубликованных списках. Таким образом, новые архивные материалы могут дополнять и уточнять ранее изданные списки.

Особый интерес представляют формуляры о 782 солдатах-мятежниках, составленные на основании официального документа — «Послуж-

ного списка нижним воинским чинам Черниговского пехотного полка, назначенным в Отдельный кавказский корпус». В этих материалах имеются важные данные о социально-классовом положении и национальном происхождении солдат, об их возрасте, месте рождения, службе в армии, об участии в Отечественной войне 1812 г., о наградах и т. д.

Послужные списки прежде всего показывают, что «нижние воинские чины» Черниговского полка были выходцами главным образом из Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Могилевской, Полтавской, Минской, Казанской, Курляндской губерний (в списках указаны также уезды и селения). Большинство из 782 солдат были крепостными (помещичьими) крестьянами, число экономических крестьян составляло 112 чел., государственных крестьян — 65 чел. Далее: удельных крестьян — 18, однодворцев — 26, дворовых людей — 6, мещан из разных городов — 14, солдатских детей — 10, казаков — 5 чел. и т. д.

Интересные сведения имеются о национальном составе восставших солдат. В подавляющем большинстве они, разумеется, были русскими, заметное число составляли украинцы и белорусы. Но согласно формулярам в Черниговском полку служили также чувашаи, татары, латыши, литовцы, эстонцы, поляки и др. Так, число чувашей (в том числе крещеных) составляло 26, из народов Прибалтики — 38, татар — 14, поляков — 6, мордвы (крещеной) — 3, черемисов (крещеных) — 2.

Материалы далее показывают, что в 1826 г. возраст основной массы солдат был 30—35 лет; самому старшему — 57 лет (Аким Немухин сын Немухин, «губернского города Калуги из мещан»), самому младшему — 16 лет (Иван Николаев сын Савельев, «Рязанской губернии Ряжского уезда из солдатских детей»).

Следует отметить, что многие солдаты Черниговского полка были участниками Отечественной войны 1812 г.; из них 103 чел. имели серебряную медаль за 1812 год (полк имел Георгиевское полковое знамя за 1812 год). Часть солдат служила в армии с 1806—1808 гг., но основная масса с 1811—1814 гг. Некоторые солдаты поступили на службу в армию даже в 1823—1825 гг. Любопытно, что один крепостной крестьянин, Яков Степанов сын Степанов («Симбирской губернии и уезда, села Пажеского, помещицы Надежды Дмитриевой из крестьян»), поступил в армию — в Черниговский пехотный полк 23 декабря 1825 г., т. е. всего за 6 дней до восстания полка. Таким образом, в составе черниговцев имелись как старые боевые солдаты, участвовавшие в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии, так и новички-новобранцы.

В архивных фондах выявлено также немало документов, относящихся к рядовым участникам восстания 14-го декабря 1825 г. в Петербурге, на Сенатской площади. Известно, что большинство этих «взбунтовавшихся» солдат и матросов, в составе специально сформированных воинских частей — лейб-гвардии Сводного полка, под командованием полковника П. П. Шипова 2-го, и Отдельного отряда, под коман-

дованием подполковника Махова, также были в 1826 г. сосланы на Кавказ — «в теплую Сибирь», о чем написана книга еще в 1896 г. Но вот обнаружено дело № 10: «О Сводном гвардейском полку и Отряде, составленном из полков лейб-гвардии Московского, Гренадерского и Морского Экипажа, прибывших в Кавказский Отдельный корпус, 1-й в команде полковника Шипова 2-го и последней подполковника Махова. 1826 год».

В «деле» № 10 имеются интересные рапорты, послужные списки, ведомости и разные сведения о нижних чинах-«преступниках», о составе Сводного полка и Отряда Махова, об их прибытии на Кавказ и т. д. Интересны, в частности, формуляры многих нижних чинов лейб-гвардии Сводного полка, в которых есть ценные данные о «бунтарях» (социальное положение, национальное происхождение, год рождения, служба в армии и т. д.). Так, например, из списка «лейб-гвардии Сводного полка фельдфебелям, унтер-офицерам, строевым и нестроевым» видно, что большинство из них — крепостные и казенные крестьяне; далее, экономические крестьяне, однодворцы, мещане из разных городов, солдатские дети, казаки и один рабочий из Александровской мануфактуры (Александр Васильев сын Васильев). Из 81-го унтер-офицера один немец и один татарин. Подавляющее большинство служили в армии с 1807—1812 гг. и были участниками Отечественной войны 1812 г.

Официальный документ — «Ведомость о числе воинских чинов лейб-гвардии Сводного полка», составленный 19-го июня 1826 г., показывает, что в полку состояло всего 1376 чел., из которых штаб-офицеров 4, обер-офицеров 30, унтер-офицеров 72, музыкантов 35, рядовых 1107, нестроевых 128. Из другой ведомости, подписанной командиром Сводного полка полковником Шиповым (тоже декабристом) 1-го августа 1826 г., видно, что 18 чел. из лейб-гвардии Московского и лейб-гвардии Гренадерского полков еще находились «в С. Петербурге под арестом по случившемуся прошлого 1825 года декабря 14-го числа происшествию». В числе этих арестантов упоминается подпоручик лейб-гвардии Московского полка «князь Павел Иванов сын Цицпанов».

Ряд документов показывает, что 14 жен рядовых декабристов из лейб-гвардии Московского полка выразили желание поехать к своим мужьям, сосланным на Кавказ. Разрешение было получено, и они, выехав из Петербурга в конце мая (1826 г.), прибыли на Северный Кавказ, в гор. Ставрополь в середине августа. В числе этих женщин — Наталья Ивановна Антонова, Агафья Егоровна Аверьянова, Елисавета Андреевна Рыбкина, Авдотья Мироновна Панина, Екатерина Павловна Абрамова и др. Некоторые из них прибыли на Кавказ со своими малолетними детьми.

В архивных материалах сохранились также послужные списки декабристов А. Бестужева-Марлинского, В. С. Толстого, С. П. Кривцова, интересные записки и справки о П. Бестужеве, Е. Лачинове, В. Голицыне, В. Сухорукове, о двух братьях Беляевых и др.

В формулярном описке Бестужева-Марлинского, составленном в 1834 г., о его участии в военных действиях в Армении и на Кавказе сказано: «1829 года сентября 26-го числа под личным начальством главнокомандующего генерала от инфантерии генерал-адъютанта графа Паскевича Эриванского при перестрелке с неприятельскою конницею вышедшею из гор. Байбурта, 27-го при занятии сего города приступом укрепленного лагеря, и при следовании неприятеля защищавшего оной, в действительном сражении находился и при обратном следовании в полковую штаб квартиру в походах находился и за понесенные труды награжден пятью рублями ассигнациями и медалью за турецкую войну. 1831 года августа с 20-го по 27-е число был при обороне крепости Дербента от неприятельского войска Казы муллы день и ночь в беспрестанных перестрелках».

В рапорте начальника Карской крепости Реута от 9 мая 1829 г. на имя начальника штаба генерал-майора Остен-Сакена о декабристе Е. Лачинове между прочим говорится: «При сем обязанностью считаю донести Вашему превосходительству о примерном усердии и отличных действиях 39-го егерского полка унтер-офицера Лачинова, разжалованного из офицеров генерального штаба, который по просьбе предместника моего генерал-майора князя Бековича Черкасского был по взятии Карса прикомандирован генерал-майором Берхманом к армянской дружине для показания оной порядка пограничной службы и надзора за исправностью караулов их и разъездов. По рекомендации о нем князя Бековича Черкасского я также во время управления областью давал ему различные поручения... с наступлением весны, когда исправность караулов и разъездов армянских так много приносит пользы заботясь о предохранении жителей от грабежей хищнических партий и понуждения к засевам полей, то старания и похвальные поступки унтер-офицера Лачинова возлагают на меня обязанность покорнейше просить Ваше превосходительство обратить на него милостивое внимание господина главнокомандующего...».

Новые архивные материалы дополняют наши сведения о жизни, о героических подвигах декабристов. Одновременно они еще раз показывают, что славные имена многих декабристов тесно связаны с историей братских народов Закавказья. Сосланные на Кавказ декабристы принимали непосредственное и самое активное участие в русско-персидской (1826—28 гг.) и русско-турецкой (1828—29 гг.) войнах, в ходе которых совершился исторический акт большого прогрессивного значения — Восточная Армения и ряд областей Азербайджана и Грузии были освобождены от тяжелого ига ханов, пашей и присоединены к России. Как отмечалось еще в свое время, «мятежники» сражались с беззаветной храбростью, большим воодушевлением. И главным источником вдохновения и героизма русских революционеров был тот мир высоких идей, свободы и гуманности, которому они были преданы как до, так и после 1825 года.

Примечательно, что несмотря на жестокий режим и всевозможные преследования сосланные на Кавказ декабристы не пали духом. Декабрист Гангеблов, которого также перевели на Кавказ, в своих воспоминаниях писал: «Вообще говоря, в настроении духа декабристов нисколько не замечалось, чтобы они приуныли, чтоб выражали сожаления о том, что жизненные надежды каждого из них им изменили. Где не встречались, где не сходились они, начиная с Арзрума, всегда они казались весёлыми, приветливыми, как между собою, так и с другими».

Более того, как однажды признался верноподданный царский генерал Паскевич, многие из декабристов, служивших в войсках Кавказского корпуса «не оставили прежних мыслей». В другой связи тот же генерал утверждал, что среди сосланных на Кавказ декабристов «дух сообщества существует... и живет».

Высокие, благородные идеи и гражданский долг перед родиной оказались сильнее, чем виселица, каторга и жестокие гонения.

ՆՈՐ ՏՎՅԱԼՆԵՐ ԿՈՎԿԱՍ ԱՔՍՈՐՎԱԾ ԳԵԿԱՔՐԻՍՏՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

ՀՍՍՀ ԳԱ ակադեմիկոս Մ. Գ. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու լ մ)

Հողվածի հեղինակին հաջողվել է հայտնաբերել արխիվային նոր նյութեր դեկաբրիստների և մասնավորապես Կովկաս արքսորված շարքային դեկաբրիստների վերաբերյալ: Փաստաթղթերի մեծ մասում կարևոր տեղեկություններ կան Չեռնիգոլյան գնդի զինվորներին Կովկաս արքսորելու, նրանց թվի, կազմի, սոցիալական դրուժյան ու ազգային ծագման մասին: Հետաքրքիր են և այն նյութերը, որոնք վերաբերում են Պետերբուրգից Կովկաս փոխադրված «խոռվարար» զինվորներին, ինչպես նաև առանձին դեկաբրիստներին՝ Ա. Բևստուժև-Մառլինսկուն, Վ. Տոլստոյին, Ե. Լաչինովին և ուրիշներին: